

Катунин Ю.А.

ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: "ДЕ-ЮРЕ" И "ДЕ-ФАКТО".

20-е годы нынешнего столетия стали рубежными для Русского православия: своей высшей точки достигло пятилетнее противостояние государства и церкви, инициаторами которого являлась как одна, так и другая сторона. В самой церкви начался внутренний раскол, породивший ряд течений и группировок, разрушавших церковь изнутри и поставивших ее на грань самоликвидации.

Особо обострился кризис в отношениях между государством и церковью в 1922 – 1923 г.г., в ходе кампании по изъятию у церкви предметов религиозного культа, изготовленных из золота и серебра, которые были необходимы для ликвидации жесточайшего голода, поразившего Россию.

В литературе, посвященной взаимоотношениям государства и церкви в годы советской власти, нет однозначной оценки данного события. Точки зрения, как правило, противоположны. Так, в исторической литературе, изданной в советские годы, все действия государства по изъятию церковных ценностей признавались правомерными и законными, а действия религиозных общин, отстаивающих имущество церкви, получали негативные оценки.¹

В то же время в подавляющем большинстве работ, изданных в 90-е годы нынешнего столетия, авторами которых являются как представители религиозных кругов, так и некоторые ученые, действиям государства дается только лишь негативная оценка.²

Попытаемся проанализировать это сложное событие в истории взаимоотношений государства и церкви с позиций права, законов, действовавших в обществе на момент изъятия ценностей.

Логика законов, принятых государством большевиков в отношении религии и церкви, была известна задолго до захвата ими власти в 1917 году. В Программе РСДРП, принятой в 1903 году, в пятом и тринадцатом пунктах говорилось о "неограниченной свободе совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов", а также об "отделении церкви от государства и школы от церкви".³

Во всех работах Ленина, написанных с 1905 по 1917 год и посвященных вопросам религии и церкви, основополагающей является идея об отделении церкви от государства и школы от церкви⁴. Поэтому вполне закономерно явилось то, что после захвата политической власти большевики реализовали эти теоретические положения на практике. В первом декрете Советской власти, принятом 26 октября 1917 года на втором Всероссийском съезде Советов, законодательно закреплялось положение о том, что вся земельная собственность, включая монастырскую и церковную, становится "достоянием народа", т.е. государственной.

В течение 1917 года у церкви были отобраны государственные функции записи актов гражданского состояния и образования. Окончательно вопрос об отделении церкви от государства и школы от церкви был решен 23 января 1918 года, когда был опубликован одноименный декрет Совета Народных Комиссаров, подписанный Лениным.

Пункт 12 декрета гласил: " Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью.

Прав юридического лица они не имеют".

В 13 пункте декрета это положение конкретизировалось: " Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием.

Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ".⁵

24 августа 1918 года было принято Постановление Народного Комиссариата Юстиции "О порядке проведения в жизнь декрета "Об отделении церкви от государства и школы от церкви" (Инструкция), в котором детально расписан механизм реализации декрета на практике. Прочитываем достаточно подробно ряд пунктов из данной инструкции постановления.

"4. Имущества, которые ко времени издания декрета " Об отделении церкви от государства и школы от церкви" находились в ведении православного исповедания и других вероисповедных учреждений и обществ, согласно декрету, переходят в непосредственное заведование местных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов на основаниях, изложенных в нижеследующих статьях.

5. Местный Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов обязывает представителей бывших ведомств или лиц соответствующего вероисповедания, в чьем фактическом обладании находится храм или прочее богослужебное имущество, представить в трех экземплярах инвентарную опись имущества, специально предназначенного для богослужебных и обрядовых целей. По этой описи Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов принимает имущество от представителей соответствующего религиозного культа и вместе с описью передает в бесплатное пользование всем тем местным жителям соответствующей религии, которые желают взять в пользование имущество... .

6. Необходимое число местных жителей, получающих в пользование богослужебное имущество, определяется местным Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов, но не может быть менее 20 человек.

8. Принявшие имущество в пользование обязуются:

I) хранить и беречь его, как доверенное им народное состояние,

II) производить ремонт означенного имущества и расходы, связанные с обладанием имуществом, как-то: по отоплению, страхованию, охранению, оплате долгов, местных сборов и проч.,

III) пользоваться этим имуществом исключительно для удовлетворения религиозных потребностей,

IV) возместить при сдаче все убытки за пользование им, отвечая за целостность и сохранность вверенного

им имущества солидарно (по круговой поручке),

V) иметь у себя инвентарную опись всего богослужебного имущества, в которую вносить все вновь поступающее (путем пожертвований, передачи из других храмов и т.п.) предметы религиозного культа, не представляющие частной собственности отдельных граждан,

VI) допускать беспрепятственно во внебогослужебное время уполномоченных Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов лиц к периодической проверке и осмотру имущества и

VII) в случае обнаружения Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов злоупотреблений и растрат, немедленно сдать имущество Совету Рабочих и Крестьянских Депутатов по первому его требованию. Все эти условия вносятся в соглашение, заключаемое группой вышеуказанных граждан местным Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов (Приложение № 1).

9. Храмы и молитвенные дома, имеющие историческое, художественное и археологическое значение, передаются с соблюдением особой инструкции, выработанной Музейным Отделом Народного Комиссариата Просвещения.

16. Не предназначенные специально для богослужебных целей имущества церковных и религиозных обществ, а также бывших вероисповедных ведомств, как-то: дома, земли, угодья, фабрики, свечные и другие заводы, рыбные промыслы, подворья, гостиницы, капиталы и все вообще доходное имущества, в чем бы они ни заключались, не взятые до настоящего времени в ведение Советских установлений, незамедлительно отбираются от обозначенных обществ и бывших ведомств".⁶

Таким образом, только лишь эти два основных документа, касающиеся вопросов взаимоотношений государства и церкви, достаточно однозначно говорят о национализации всей церковной собственности, т.е. де-юре она переходила в разряд "народного достояния", под которым в советские годы скрывалась государственная собственность.

Церковь, имея в эти годы достаточно мощную структуру и серьезное влияние на народные массы, могла с этим не соглашаться и организовать систему противодействия глобальному изъятию собственности, созданной прихожанами и государством в течение веков. Работавший в это время в Москве высший законодательный орган православной церкви – Поместный Собор должен был отреагировать на факт национализации церковной собственности более конкретно и жестко. Однако этого не произошло. Все действия Собора по этому вопросу были крайне неэффективными. Собор мог организовать в 1917 – начале 1918 года акции протеста верующих в связи с национализацией церковной собственности. На публикацию декрета отреагировал лишь митрополит Петроградский Вениамин (Василий Павлович Казанский), обратившийся с письмом протеста в Совнарком, которое в органах власти охарактеризовали как крайне дерзкое. Более того, по рекомендации Поместного Собора и его высших духовных деятелей, в частности митрополита Сергия (Страгородского)⁷, религиозные общины стали заключать договора с государством о взятии в бесплатное пользование своей же собственности, которой они владели еще несколько недель назад, т.е. де-факто церковь согласилась с национализацией своего движимого и недвижимого имущества, которое отныне ей не принадлежало. Таким образом, в 1917 - начале 1918 года православная церковь, в лице Поместного Собора, фактически признала юридические акты правительства большевиков законными. Национализация государством большевиков церковной собственности состоялась с молчаливого согласия церкви де-юре и де-факто.

Далее кратко проанализируем юридический договор, по которому "общенародная", т.е. государственная, собственность передавалась в бесплатное пользование религиозным общинам. В типовых договорах, большинство из которых было заключено религиозными общинами с органами власти на местах в 1920 – 1922 годах, жестко оговаривались экономические и политические условия использования движимого и недвижимого имущества, передаваемого государством общинам верующих для организации религиозной службы. Протицируем лишь несколько пунктов договора.

Пункт первый гласил: " Мы, нижеподписавшиеся граждане, обязуемся беречь переданное нам народное достояние и пользоваться им исключительно соответственно его назначению, принимая на себя всю ответственность за ценность и сохранность врученного нам имущества, а также за соблюдение лежащих на нас по этому соглашению и иных обязанностей".⁸

Во втором пункте договора подчеркивалось, что передаваемая церкви собственность будет использоваться лишь для религиозных целей.

В третьем пункте договора фиксировались политические требования, выдвигаемые государством в отношении религиозных общин, которым передавалась собственность: " Мы обязуемся принять все меры к тому, чтобы врученное нам имущество не было использовано для целей, не соответствующих ст.ст.1 и 2 настоящего договора. В частности в принятых нами в заведывание богослужебных помещениях мы обязуемся не допускать:

- а) политических собраний враждебного Советской власти направления;
- б) раздачи и продажи книг, брошюр, листовок и посланий, направленных против Советской власти или ее представителей;
- в) произнесение проповедей и речей, враждебных Советской власти или ее отдельным представителям;
- г) совершение набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против Советской власти, ввиду чего мы обязуемся подчиняться всем распоряжениям Советской власти относительно распорядка пользования колоколами".

В последующих пунктах подчеркивалось: " 7. За пропажу или порчу переданных нам предметов мы сами несем материальную ответственность солидарно, в пределах ущерба, нанесенного имуществу.

8. Мы обязуемся в случае обратной сдачи принятого нами имущества возвратить его в том самом виде, в каком оно было принято нами в пользование и на хранение".⁹

Каждый договор подписывался не менее чем 20 членами религиозной общины, каждый из которых нес равную уголовную ответственность за нарушения его положений.

Таким образом, каждый из подписанных со стороны церкви договоров фактически означал, что она

окончательно признала юридически законными действия государства по национализации церковной собственности.

В соответствии со всеми нормативными документами, которые подписывали стороны, государство могло вносить в любой договор дополнения и изменения, а также расторгнуть его и вернуть себе собственность. Это фактически означало ликвидацию деятельности религиозных общин, что с успехом было проделано государством в 20 – 30 годы.

Таким образом, точка зрения о том, что церковь была ограблена государством в ходе изъятия ценностей в 1922- 23 годах, неверна. Церковь, с ее молчаливого согласия, а может быть даже и при ее содействии, была ограблена государством значительно раньше, еще в 1917 – начале 1918 года, в ходе национализации всей ее движимой и недвижимой собственности. А в 1922 –1923 годах государство изымало из храмов лишь часть своей собственности, которую оно использовало для спасения населения от голода и решения других проблем. Изъятие церковных предметов, изготовленных из золота и серебра, не приводило к сворачиванию или резкому ограничению религиозной службы в храмах. После акта изъятия ни один из храмов не прекратил своей деятельности из-за отсутствия необходимых культовых вещей.

Акт изъятия был использован как государством, так и церковью для обострения политического противостояния, которое к моменту изъятия достигло наивысшего накала. В ходе этого противостояния церковь потерпела серьезное поражение. Фактически к моменту изъятия ценностей православная церковь, как мощная централизованная система, собственностью уже не владела, она принадлежала конкретным религиозным общинам верующих, с которыми государство заключало юридические договора. Священно- и церковнослужители всех рангов были юридически отстранены от управления движимым и недвижимым церковным имуществом. Отныне они занимались общиной для организации церковной службы, за что община должна была поддерживать их материально.

Открытое сопротивление процессу изъятия ценностей в 1922 – 1923 годах, инициированное патриархом Тихоном и поддержанное тысячами мирян и священников, являлось последней попыткой церкви пересмотреть свои взаимоотношения с государством, оказавшимся в это время в полосе глубочайшего экономического и политического кризиса, усугубленного жесточайшим голодом, поразившим Россию. В 1922 году церковь могла кардинально изменить ситуацию в свою пользу, ей необходимо было организовать серьезную широкомасштабную кампанию по сбору ценностей и приобретению за рубежом продовольствия, а также его распределения среди умирающего от голода населения. Это, с одной стороны, значительно подняло бы ее авторитет в глазах народа, с другой, - используя свой авторитет и поддержку населения, можно было поставить перед органами власти вопрос о включении духовенства в систему владения собственностью и пересмотр законодательных актов о ее влиянии на общество. Вместо этого церковь, во главе с Патриархом, организовала вялотекущий процесс сбора средств через структуру учрежденного ею комитета помощи голодающим (Помгола). Этим воспользовалось государство большевиков, взявшее инициативу в свои руки, распустившее 27 августа 1921 года организованный церковью " Всероссийский общественный комитет помощи голодающим" и создавшее вместо него "Центральную комиссию помощи голодающим", подчиненную ВЦИК.

В декабре 1921 года Помгол ВЦИК обратился к Патриарху с настоятельным призывом в организации церковью пожертвований. Быстрый, положительный вариант ответа позволял церкви оговорить в нем ряд условий политического характера и устранял или, по крайней мере, отодвигал возможности экстремистских действий государства в отношении церкви. Однако воззвание Патриарха было опубликовано лишь 19 февраля 1922 года. В условиях кризиса власти большевиков и страшнейшего голода Патриарху Тихону понадобилось более 2-х месяцев для ответа правительству и публикации воззвания, в котором он призывал церковь жертвовать для нужд голода церковные украшения, "не имеющие богослужебного значения". Данное воззвание делало невозможным жертвование религиозными общинами богослужебных вещей из драгоценных металлов, так как все находящиеся в храме вещи так или иначе были задействованы для богослужебных целей. Следовательно, они не подлежали жертвованию.

Столь длительное молчание Патриарха позволило большевикам инициировать в прессе ряд статей, в которых церковь и ее глава были обвинены в черствости и бездушии к умирающим людям. 23 февраля 1922 года ВЦИК издал декрет об изъятии церковных ценностей для нужд голодающих. Патриарх на это незамедлительно отреагировал жестким возванием – предупреждением о недопустимости изъятия ценностей: "мы не можем одобрить изъятие из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской церкви и карается Ею, как святотатство, мирянин отлучением от Нея, священнослужитель низвержением от сана".¹⁰

Это воззвание главы церкви было разослано епархиальным архиереям и явилось основой для организации сопротивления при актах изъятия. Противодействие, организованное церковью при изъятии ценностей, было выгодно государству, так как большевикам это позволяло развязать кампанию репрессий и выдвинуть обвинения в адрес церкви не только как против врага нового строя, но и показать ее в ходе судебных разбирательств как "врага народа", отказавшегося выполнить библейскую заповедь - "накормить страждущих".

19 марта 1922 года Ленин направляет В.М. Молотову письмо, для оглашения его членам Политбюро ЦК РКП (б), в котором отмечалось, что ситуация является крайне выгодной для борьбы с церковью, 99 шансов из 100 позволяют надеяться на успех акции. "Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией... Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий". Ленин давал совершенно четкий и верный прогноз, что подавляющая часть населения, и в первую очередь крестьяне, не поддержат церковь, а это позволит государству создать значительный финансовый запас в несколько сотен миллионов золотых рублей не только для борьбы с голодом, но и для решения других внутренних и внешних вопросов.¹¹

В то же время акция изъятия ценностей не только подрывала позиции господствующей церкви, но и

позволила существенно укрепить позиции, а со временем даже и занять доминирующее положение в самой церкви различным группам раскольников - обновленцев, поддерживаемых государством.

Жесткая, непримиримая позиция церкви была крайне выгодна правительству большевиков. Ее можно было использовать не только как повод для устранения политического и идеологического противника, но и для решения экономических и политических проблем. Политика "военного коммунизма" разорила систему товарного производства и привела экономику государства в состояние паралича, вызывая серьезное недовольство населения, как в деревне, так и в городе. Принудительное изъятие продовольствия, отсутствие стимулов в его производстве было усилено жесточайшим голодом. Все это могло привести на грань краха правительство большевиков.

Проблему голода можно было решить только за счет внешних товаропроизводителей, которые согласны были предоставить необходимое количество продовольствия, но только лишь за твердую валюту. Для этого вполне подходил золотой запас государственного имущества, находившийся в пользовании у религиозных общин. Причем на приобретение продовольствия можно было направить лишь некоторую часть изъятых ценностей. Значительную их часть можно было использовать на различные проблемы внутренней жизни, что с успехом и было сделано. Часть средств, поступивших в Гохран, была использована на цели, не имеющие отношения к проблеме ликвидации голода.

Процесс изъятия прошел как идеологически беспроигрышная акция государства, подорвавшая влияние церкви на население. Приобретение продовольствия за счет средств церковного имущества позволило ему не только частично снять проблему голода и заготовить зерно под будущую посевную кампанию, но и начать судебную и идеологическую борьбу с церковью, а несколько позже перейти от борьбы с клерикализмом к кампании антирелигиозной пропаганды, развернув целую сеть организаций Союза воинствующих безбожников. В ходе судебных разбирательств, умело освещавшихся средствами массовой информации, организаторы актов сопротивления выглядели в качестве силы, выступившей против народных масс. Это позволило большевикам решить ряд важных проблем: во-первых, снять накопившееся к этому времени напряжение в обществе, переложив вину за сложную ситуацию в государстве на плечи церкви; во-вторых, выиграть время для проведения экономической реформы – перехода к НЭПу, частично используя для этого средства, изъятые у церкви; в-третьих, показать церковь в общественном мнении в качестве противника народной власти; в-четвертых, расколоть церковь на враждующие между собой течения и, таким образом, поставить ее на грань самоликвидации.

Только лишь отказавшись во второй половине 20-х годов от тактики противодействия государству и признав власть большевиков как "богоданную", сторонникам староцерковного направления удалось ослабить давление государства на церковь и снять вопрос о ее фактическом уничтожении, а также снизить влияние раскольнического обновленческого движения на верующих и свести его к концу 40-х годов на нет.

При анализе данных событий несколько непоследовательной представляется позиция Патриарха Тихона, практически инициировавшего своими воззваниями кампанию активного противодействия властям со стороны верующих и священно- и церковнослужителей при изъятии ценностей из монастырей и храмов. Церковь, выполняя волю Патриарха, отстаивала имущество, вступив в жесткий конфликт с государством. По данным Д.В. Поспеловского, в России произошло 1414 кровавых инцидентов, в ходе которых погибли или были приговорены к высшей мере наказания 2691 священник, 1692 монаха, 3447 монахинь и большое число мирян.¹²

В ходе следствия многие суды обращали внимание органов власти на причастность Патриарха к организации актов противодействия. Патриарх, вдохновивший кампанию протеста, был привлечен к ответственности. Однако уже через несколько недель после своего домашнего ареста он очень быстро и поспешно меняет свое отношение к советской власти, официально признав свою вину в организации антигосударственной деятельности церкви. Что это - трусость и предательство человека, в которого поверили и пошли за ним на эшафот тысячи священников и мирян, или же действительно в течение нескольких дней произошла кардинальная переоценка взглядов человека, возглавившего церковь? Но ведь механизм противодействия власти большевиков был запущен Патриархом с первых дней его избрания и поддерживался им в течение 5 лет, не говоря уже о его влиянии на развитие кровавых событий, связанных с изъятием ценностей. Слово Патриарха накануне актов изъятия могло предотвратить смерть многих тысяч невинных людей, искренне выполнявших волю главы церкви и отстаивавших имущество храмов и монастырей. Кардинальное изменение позиции Патриарха фактически означало в этой ситуации отказ от тысяч людей, искренне выполнявших его волю и мученически пострадавших от власти большевиков. Признание Патриархом своих ошибок, которые привели к гибели людей и расколу в церкви, должно было завершиться его добровольным отказом от сана Патриарха и уходом в монастырь для замаливания грехов перед церковью и невинно убиенными, пошедшими за своим престоятелем. Однако этого не произошло.

Таким образом, в 1922 году руководство церкви, так же как и правительство большевиков, было заинтересовано в обострении ситуации, оно втягивало мирян в политическую борьбу, используя недовольство верующих политикой государства, формально используя для этого борьбу за собственность, которая в эти годы церкви уже не принадлежала.

В работах ученых и церковных деятелей, придерживающихся точки зрения об ограблении церкви государством в 1922 году, крайне редко говорится о том, что перед актом изъятия из большинства храмов исчезло значительное количество ценных вещей, так как была организована целая серия "лжеограблений".

28 марта 1922 года комиссар юстиции Курский уведомил руководителей уездных судов и юстиции о том, что в связи с изданием декрета об изъятии церковных ценностей стали поступать частые заявления о кражах из церквей и монастырей, носящие "симулятивный" характер. Министерство юстиции требовало ужесточить вопросы сохранности государственного имущества, переданного в распоряжение религиозных общин. В циркуляре выдвигались следующие требования: " 1. Установить строжайшее наблюдение за производством следствий по делам об участвовавших в последнее время кражах из монастырей и церквей всех религиозных культов... 2. Все дела о кражах церковного имущества, находящиеся в стадии предварительного дознания,

поручить следователям для срочной и тщательной проверки обстоятельств заявленной кражи и для слушания передать в особые сессии при Совете Народных судей и уездных бюро Юстиции..."¹³

20 апреля Курский потребовал от местных органов власти привлечь к ответственности лиц, подписавших договор, с целью погашения стоимости похищенных вещей.¹⁴

В ходе судебных разбирательств истинные организаторы ограблений обнаруживались крайне редко. И тогда возмещать стоимость похищенных ценностей приходилось всем представителям "двадцатки", юридически заключившей договор на владение государственной собственности, либо отдельным ее членам, которым "двадцатка" передавала собственность на хранение. Так, 11 февраля 1922 года из Петро-Павловской церкви г. Симферополя было украдено 922 гр. серебряных крестиков и серебряных сосудов. Установить организаторов и исполнителей похищения не удалось. В 1923 году иск в сумме 838 600 рублей был предъявлен протоиерею

Таблица 1.

Название церкви	Дата изъятия	Изделия из серебра		
		Фунт ов	Золот ников	Долей
Троицкий собор г. Керчи	27 марта	35	77	24
	31 мая	390	34	-
	7 июня	20	26	-
	13 июня	27	30	90
Катерлезский монастырь	24 апреля	42	87	42
Покровско – Братская церковь	27 марта	2	58	48
	2 июня	22	24	72
Владими́ро-Васи́льевская церковь	4 мая	11	33	2
Св. Вознесенская церковь	16 мая	1	75	92
Подворье Введенского монастыря	6 апреля	-	49	48
	2 июня	13	90	-
Старо-кладбищенская церковь	1 июня	7	30	12
	1 июля	2	43	24
Церковь мужской гимназии	2 июня	58	59	-
Гавриило - Варваринская церковь у нового кладбища	2 июня	25	52	24
	24 июня	-	31	62
Александро-Невская церковь	28 марта	3	16	-
	1 июня	57	16	48
Успенский собор и Николаевская церковь	22 мая	43	4	-
Батальонная церковь и Успенский собор	13 июня	4	48	-
	13 июня	170	24	-
Греческая церковь Иоанна Предтечи	9 июня	136	64	-
	10 июня	89	27	-
Всего изъято из православных храмов		445	2	84

Петро-Павловского собора Д. Полежаеву, отвечавшему за сохранность имущества церкви. Полежаев отказался вносить деньги на счет государства, мотивируя это тем, что он не имеет отношения к совершенному воровству. Отказался выплачивать деньги и староста Николаевской церкви г. Симферополя А. Корчагин, мотивируя это отсутствием необходимой суммы и "пролетарским происхождением".¹⁵ В 1922 году в Крыму было совершено более 15 ложных ограблений, в том числе и в кафедральном соборе Александра Невского. В 1923 году органами НКВД и ГПУ Крыма был установлен факт сокрытия ценностей в Балаклавском Георгиевском монастыре. Настоятель монастыря иеромонах Ипполит укрыл от комиссии при изъятии более 30 вещей, в том числе серебряное блюдо 1792 года изготовления, десять серебряных лампад, серебряное кадило 1785 года, серебряные чаши, покрытые золотом, серебряные подвески, серебряный напрестольный крест, серебряную ручку к архиерейскому посоху, 3 позолоченных диска, 6 серебряных тарелок, серебряную дарохранительницу и т.д. Все сокрытые ценности были изъяты в доход государства.¹⁶

Одно из наиболее крупных "самоограблений" в России было совершено монахами Киево-Печерской лавры. ГПУ Украины обнаружило спрятанными в специальных тайниках 350 каратов бриллиантов, 50 каратов алмазов, десятки каратов сапфиров и жемчуга, два с половиной пуда золота, в том числе пуд червонного, 40 пудов серебра.¹⁷ По оценкам специалистов, в результате различных ограблений и "самоограблений" до начала изъятия из церквей и монастырей православной церкви исчезло имущества на сумму от 2,5 до 4 миллиардов рублей. Ленин в письме к Молотову планировал создать фонд в несколько сот миллионов рублей. Реально же большевикам удалось собрать лишь несколько десятков миллионов рублей. Реально собранная большевиками сумма в сотни раз меньше расхищенной перед изъятием.

28 февраля 1922 года в 47 номере газеты "Красный Крым" были опубликованы материалы, связанные с изъятием церковных ценностей, в частности Постановление Президиума ВЦИК, в котором местным Советам было предложено немедленно изъять из имущества церквей, переданных в пользование группам верующих всех религий, драгоценные предметы из золота, серебра и драгоценных камней, отсутствие которых не могло существенно повлиять на организацию службы в храме и направить их в органы Наркомфина, в специально назначенный фонд помощи голодающим. В целях планомерного проведения этих мероприятий в каждой губернии предлагалось образовать комиссию в составе ответственных представителей от губисполкома, губпомгола и губфинотделов под председательством одного из членов ЦК РКБ (б). Пересмотр договора с общинами и фактическое изъятие по описи драгоценных вещей необходимо было производить с обязательным привлечением в комиссии групп верующих, в пользование которым данное имущество передавалось. Изъятые ценности должны были направляться только на нужды Помгола. ЦК Помгола о всех поступивших ценностях и их расходовании периодически должен был сообщать в печати, причем в местной прессе публикации должны были содержать подробный перечень ценностей, изъятых из местных храмов.¹⁸

В соответствии с декретом от 23 февраля 1922 года при местных органах власти создавались комиссии, в состав которых входили представители различных организаций, а также члены религиозной общины, в которой производилось изъятие ценностей. В Крыму активное изъятие ценностей производилось в течение 1922 – 1923 годов. В некоторых храмах оно производилось по несколько раз. Это связано с тем, что комиссии не всегда жестко подходили к изъятию сразу всех ценных вещей. Многие оставались для проведения службы. Анализ архивных материалов позволяет нам выявить наиболее активные периоды изъятия и установить более или менее

Таблица 2.

процесс общин, изъятия 1922 он он ходе	Округ	Серебро				Золото		Медь				Камней	
		П	Ф	З	Д	З	Д	П	Ф	З	Д	З	Д
	Евпатория	10	35	62 1/33	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Феодосия	8	10 7/8	58	-	8 1/2	90	-	-	-	-	3	1/2
	Ялта	15	12 1/4	2	8	14 1/4	84	-	-	-	-	-	-
	Симферополь	32	34 1/2	49 1/3	26	-	-	-	-	-	-	-	-
	Керчь	32	-	83	59	2	58	2	-	1	12	-	-
	Севастополь	23	26	2	6	11	8	-	-	-	-	21	-
	Джанкой	11	10 1/4	48	-	-	-	-	-	-	-	-	80
												56 1/2	(карата)
	Всего	13	4 7/8	38 1/4	2	37 3/4	48	2	-	1	12	24 1/2	80
		5										56 1/2	

в одном разбирательства, проходившие в Крыму в 1923 году, были организованы не за оказание сопротивления, а за организацию серии "лжеграблений", произошедших накануне актов изъятия или за сокрытие клиром книг учета церковного имущества. В процессе изъятия из храмов изымались только лишь вещи, изготовленные из драгоценных металлов. Так, из церкви Иоанна Предтечи Симферопольского окрисполкома в 1922 году были изъяты следующие вещи:¹⁹

1. Напрестольные кресты весом 71 золотник (серебряные).
2. Чаша (потир) - 3/4 фунта (серебряная)
3. Дискос - 1/2 фунта (серебряный)
4. Звезда - 14 золотников (серебряная)
5. Лжица - 9 золотников (серебряная)
6. Дарохранильница - 102 золотника (серебряная)
7. Дароносица - 64 золотника (серебряная)
8. Кадило - 48 золотников (серебряное)
9. Ризы с икон - 2 1/4 фунта (серебряные)
10. Медаль "За усердие" - (серебряная)

Перечень вещей, изымаемых из храмов, был приблизительно одинаков. В редких случаях в актах указывалось более 20 наименований. Как правило, среднее число драгоценных вещей, изъятых в храмах Крыма, не превышало 15 наименований. Вес вещей, изъятых в монастырях и храмах, был разным. Наиболее тяжелыми по весу были оклады икон и церковных книг, изготовленные из серебра. Они изымались в первую очередь.

Самое крупное изъятие ценностей в Крыму было проведено 9 апреля 1922 года из храмов Херсонесского монастыря. Всего было изъято около 100 вещей, в том числе 45 риз и 8 венчиков икон, 2 напрестольных креста, накладки 4-х Евангелий, чаши, дискос, лампады, кадильницы, дарохранильницы и т.д. В храмах было изъято большое количество драгоценных камней – 9 аметистов, 1 топаз, 29 аквамарина, 1 гранат, 1 феникс и мелкий жемчуг.²⁰

При сравнении актов передачи церковного имущества, подписываемых членами "двадцатки" при заключении договора о пользовании храмом и имуществом, передаваемых государством общинам, с актами изъятия ценных вещей, видно, что очень часто в храме было несколько комплектов богослужебных вещей из драгоценных металлов. Один из них после изъятия, как правило, оставался в распоряжении общины. Многие ценные вещи оставались в распоряжении общины даже после нескольких актов изъятия. Это позволяло местным органам власти, в ответ на требования центра, проводить дополнительные изъятия. Это хорошо видно из таблицы, составленной нами на основании анализа актов изъятий ценностей из некоторых православных храмов Керченского окрисполкома, произведенных в 1922 году (табл. 1).²¹

Из данной таблицы видно, что в некоторых храмах изъятия производились от 2-х до 4-х раз. Наиболее целенаправленным и массовым было изъятие 2 июня 1922 года. В 1922 году только в православных церквях Керченского округа было изъято 445 фунтов, 2 золотника и 84 доли серебра. В Керчи проводились изъятия и из церковью других конфессий. Так, в Армяно-Григорианской церкви 17 июня было изъято 13 фунтов, 62 золотника, 24 доли серебра. Из 3-х синагог, действующих в Керчи, в июне месяце было изъято 6 фунтов, 11

золотников и 72 доли серебра.²²

Всего в 1922 году из всех церквей Крыма было изъято следующее количество ценностей (пудов – П; фунтов – Ф; золотников – З; долей – Д) (табл. 2.)²³

Из данной таблицы видно, что основным ценным составом в храмах Крыма было серебро. Из него были изготовлены богослужебные предметы, оклады книг, икон, богослужебные чаши и т.д. Золото и драгоценные камни практически отсутствовали, или составляли незначительную часть драгоценностей.

В Керчи, наряду с драгоценностями, в Гохран были сданы и предметы, изготовленные из меди.

За все время проведения кампании (1922 - начало 1924 годов) в Крыму было изъято следующее количество ценностей:²⁴

Золота - 1 фунт, 23 золотника, 25 долей;

Серебра - 140 пудов, 9 фунтов, 70 золотников;

Жемчуга - 22 золотника, 38 долей;

Драгоценных камней – 123 ¼ карата.

Все изъятые в Крыму ценности были направлены в Москву, в Гохран.

Процесс изъятия ценностей из крымских храмов был прекращен в 1924 году после указания руководителя Центрального Административного Управления Крымской АССР Лаубе.

Таким образом, рассмотрев лишь один из аспектов проблемы изъятия церковных ценностей – правовой, мы видим, что церковь имела в 1922 году моральное, а не юридическое право на оказание сопротивления в ходе изъятия церковных ценностей. Правительство большевиков проводило кампанию изъятия ценностей из монастырей и храмов, принадлежавших государству и не являвшихся к этому времени церковной собственностью. Недалековидная политика руководства церкви в 20-е годы едва не поставила церковь на грань самоликвидации. Поэтому говорить о причинах утери влияния православной церкви на массы лишь как о следствии политики большевиков не совсем верно. Сама церковь во многом повинна в своих проблемах и невзгодах, возникших в ее среде в 20-е годы.

1. Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. – М.: Политиздат, 1981. – 263 С.; Русское православие: вехи истории. – М.: Политиздат, 1989. – 719 С.; Гордиенко Н.С. Современное русское православие. – Л., 1988. – С. 27 – 37.
2. Д.В. Поспеловский. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 С.; Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Православной церкви. 1917 – 1990. Учебник для православных духовных семинарий. – Московская Патриархия : издательский дом “Хроника”, 1994. – 253 С.
3. О религии и церкви: Сборник высказываний классиков марксизма – ленинизма, документов КПСС и Советского государства. – М.: Политиздат, 1981. – С. 53 – 54.
4. Ленин В.И. Социализма и религия. Полн. собр. соч. – Т. 12. – С.142 –147.; Об отношении рабочей партии к религии. - Т. 17. - С. 415 – 426; Классы и партии в их отношении к религии и церкви. - Т. 17. – С. 429 – 438. и др.
5. О религии и церкви... - С. 115 – 116.
6. Центральный государственный архив Автономной республики Крым (ЦГААРК). – Ф. Р. 663. - Оп. 10. – Д. 222. – Л. 37 – 40.
7. См. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – С. 59.
8. ЦГААРК. – Ф. Р. 663. – Оп. – Д. 231. – Л. 2.
9. Там же.
10. См. Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Православной Церкви. 1917 – 1990. Учебник для православных духовных семинарий. – Московская Патриархия: издательский дом “Хроника”, 1994. – С.46.
11. Известия ЦК КПСС. – 1990. - № 4. – С. 192.
12. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – С. 106.
13. ЦГААРК. – Ф. Р.663. – Д. 222. – Л. 30.
14. Там же. – Л. 31.
15. Там же. – Д. 816. – Л. 33.
16. Государственный архив города Севастополя (ГАГС). – Ф. Р. – 420. – Оп. 1. – Д. 369. – Л. 81.
17. Красный Крым. - 8 января 1925.
18. Там же. – 28 февраля 1922 .
19. ЦГААРК. – Ф. Р.663. – Оп. 10. – Д.850. – Л.42.
20. ГАГС. – Ф. Р. – 420. – Оп. 1. – Д. 92. – Л. 4.
21. Там же. – Д. 227. – Л. 1 – 49.
22. Там же.
23. Там же. – Д. 227. – Л. 49.
24. Там же. – Д. 1133. – Л. 68.